

**БАЙРАМКУЛОВ
АЛАН КЕМАЛОВИЧ**

адвокат московского
офиса международной
юридической фирмы *White
and Case LLC*, аспирант
Института законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

ВОСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРА НА ПРИМЕРЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

В статье на примере дела о толковании условий мирового соглашения, которое было рассмотрено Президиумом ВАС РФ, автором исследуются вопросы, связанные с восполнением пробелов в договоре.

Ключевые слова: толкование договора, мировое соглашение, восполнение пробелов, гипотетическая воля, подразумеваемые условия договора

Настоящая публикация представляет собой комментарий к Постановлению Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 (далее — Постановление), в котором при рассмотрении дела о толковании условий мирового соглашения был затронут вопрос о восполнении пробелов договорного регулирования. Данный вопрос имеет значение для всех видов гражданско-правовых сделок.

Выбранное нами дело может служить примером решения тех проблем, с которыми суды зачастую сталкиваются, когда в договоре отсутствует регулирование спорного вопроса, от разрешения которого зависит исход спора.

В таких случаях суд прежде всего обращается к нормам закона, содержащим общие для данного вида договора правила. Справедливо утверждать, что это

основной, если не единственный инструмент, который используют российские суды для восполнения пробелов договора. Но как быть, если закон молчит либо из обстоятельств дела очевидно, что применение нормы закона к не урегулированной сторонами ситуации будет противоречить остальным условиям договора?

Обстоятельства спора

Согласно обстоятельствам рассмотренного Президиумом ВАС РФ дела (№ А60-62482/2009-С7) истец обратился в арбитражный суд с иском к ответчику о взыскании неосновательного обогащения, возникшего в результате переплаты за услуги по передаче электроэнергии. Решением суда первой инстанции, оставленным в силе судом апелляционной инстанции, исковые требования были удовлетворены.

Суд кассационной инстанции отменил эти решения и утвердил мировое соглашение, по условиям которого ответчик признал обоснованность заявленных исковых требований и обязался уплатить истцу сумму неосновательного обогащения. Мировое соглашение было исполнено ответчиком в установленный срок.

Впоследствии истец обратился в суд с иском о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на основании ст. 395 и 1107 ГК РФ в связи с несвоевременным погашением суммы неосновательного обогащения. При этом в мировом соглашении отсутствовали какие-либо условия о судьбе процентов по сумме неосновательного обогащения.

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что мировое соглашение представляло собой сделку, которой были прекращены ранее существующие обязательства сторон, в связи с чем основания для начисления процентов за пользование чужими денежными средствами отсутствовали.

Суды апелляционной и кассационной инстанций не согласились с данным выводом и удовлетворили требования истца, признав, что утвержденное судом мировое соглашение не содержало условия о прекращении действия обязательства из неосновательного обогащения.

Позиция Президиума ВАС РФ

Оставляя в силе решения суда первой инстанции, Президиум ВАС РФ признал, что основания для взыскания процентов, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, отсутствуют.

Из анализа мотивировочной части Постановления следует, что исходной посылкой для такого вывода послужило то, что мировое соглашение, согласно его условиям, заключалось сторонами в целях устранения по обоюдному согласию спора в связи с возникновением на стороне ответчика неосновательного обогащения. Поэтому стороны намеревались прекратить возникший между ними экономический конфликт путем заключения мирового соглашения, в том числе в части уплаты процентов по ст. 395 ГК РФ.

Особое мнение

С позицией Президиума не согласился С.В. Сарбаш, особое мнение которого было опубликовано на сайте ВАС РФ. Как было указано в особом мнении, мировое соглашение не содержало какого-либо условия и даже упоминания о процентах за пользование чужими денежными средствами. Именно по этой причине содействие суда в примирении сторон не должно вступать в противоречие прежде всего с волеизъявлением самих сторон. На противоречие волеизъявлению сторон указывает, в частности, то, что «с точки зрения формальной логики также достаточно трудно вывести из признания должником одного долга подразумеваемое намерение кредитора на прощение другого долга, который к тому же предметом иска не являлся»¹.

Кроме того, в особом мнении содержалось указание на то, что спорное мировое соглашение представляет собой договор констатации (признания) существующего долга, предметом которого обычно является устранение неопределенности в отношениях сторон как в части права, так и в части фактов. С учетом этого «обнаружение здесь волеизъявления кредитора на прощение долга в сумме процентов за пользование денежными средствами не только не имеет под собой фактических и юридических оснований, но и вступает в противоречие с принципом осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе (ст. 1 ГК РФ)»².

Пробел в мировом соглашении

Нетрудно заметить, что предпосылкой для возникновения рассматриваемого спора явилось то, что стороны мирового соглашения никак не урегулировали вопрос о процентах за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), которые подлежали начислению в период с момента, когда ответчик узнал о неосновательности получения денежных средств (п. 2 ст. 1107 ГК РФ), до момента исполнения утвержденно-го судом мирового соглашения.

¹ Особое мнение судьи ВАС РФ по делу Арбитражного суда Свердловской области № А60-62482/2009-С7 // www.arbitr.ru.

² Там же.

Причины, по которым стороны не решили судьбу процентов в мировом соглашении, могли быть различными, в том числе могло иметь место упущение со стороны юристов, составивших договор. Важно другое: сознательно ли стороны не включили условие о процентах в мировое соглашение? Иными словами, была ли воля сторон направлена на прекращение только обязательства из неосновательного обогащения либо всех обязательств, в том числе по уплате процентов на основании ст. 395 ГК РФ?

Такая постановка проблемы предлагается в особом мнении и представляется правильной, поскольку при констатации наличия пробела в договоре суду необходимо выяснить, какова была воля сторон, и обратиться для этого в первую очередь к правилам толкования договора (ст. 431 ГК РФ), которые в полной мере применимы к условиям мирового соглашения как гражданско-правовой сделки³.

Прежде всего суду надо понять, действительно ли в договоре имеется пробел. В рассматриваемом деле иные условия договора не позволяли сделать вывод о судьбе процентов на сумму неосновательного обогащения. С учетом этого отсутствие в мировом соглашении соответствующего условия действительно можно квалифицировать как пробел, что влечет важные гражданско-правовые последствия.

К примеру, в немецком праве констатация наличия договорного пробела (*Vertragslücke*) означает, что суд вправе по собственной инициативе восполнить недостающие условия. При этом сам вывод суда о наличии пробела также является результатом толкования условий договора.

Из судебных актов, принятых по делу, следует, что пробел был установлен судами уже при буквальном толковании условий мирового соглашения. Однако можно допустить наличие ситуаций, когда пробел не столь очевиден. По этой причине суду может понадобиться отправная точка, которая позволяла бы

разграничить случаи, когда имеются объективные предпосылки к восполнению договора и когда такие предпосылки отсутствуют, а вмешательство суда в договорные отношения может привести к навязыванию сторонам тех условий, на которых они не намеревались заключить сделку.

В российской доктрине понятие пробела в договоре детально не исследовалось. В качестве ориентиров могут быть предложены определения, предлагаемые западной доктриной. По мнению проф. О. Сандрок, под пробелом следует понимать ситуацию, когда договор в отношении определенных пунктов не содержит явного единства воли сторон⁴. О пробеле может идти речь тогда, когда одно или несколько условий договора нераспознаваемы либо неочевидны, но при этом необходимы для договора⁵.

С учетом названных определений можно вывести две важные характеристики, указывающие на наличие в договоре пробела: во-первых, спорный вопрос прямо не урегулирован сторонами (как в анализируемом нами деле), во-вторых, иные условия договора в совокупности не позволяют однозначно судить о том, что в отношении данного вопроса сторонами достигнуто соглашение.

Таким образом, установив пробел в договоре посредством толкования его условий, суд должен его восполнить. Однако деятельность суда по восполнению договорного пробела не представляется возможным рассматривать лишь как результат толкования договора в общепринятом смысле согласно правилам, предусмотренным ст. 431 ГК РФ.

В этом отношении следует различать две схожие, но не тождественные спорные ситуации.

Так, при разрешении спора суд может столкнуться с тем, что волеизъявление сторон применительно к регулированию конкретного случая имеется в договоре, однако по каким-либо причинам (неточность форму-

³ О квалификации мирового соглашения как гражданско-правового договора см., напр.: Рожкова М.А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М., 2005 // СПС «Гарант».

⁴ Sandrock O. Zur ergänzenden Vertragsauslegung im materiellen und internationalen Schuldvertragsrecht. Westdeutscher Verlag, 1966. S. 47.

⁵ Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des deutschen Bürgerlichen Rechts. Beck, 2012. S. 396.

лировок, противоречие иным условиям, многозначность используемых слов и выражений и др.) является неясным и требует толкования. Такие ситуации в полной мере охватываются правилами ст. 431 ГК РФ.

Применительно к обстоятельствам настоящего дела примером подобного случая могло быть наличие в мировом соглашении условия, согласно которому «все дополнительные обязательства сторон считаются прекращенными». При этом суду следовало бы обратиться к толкованию формулировки «дополнительные обязательства» согласно ст. 431 ГК РФ, для того чтобы определить, охватываются ли данным понятием обязательства по процентам, начисляемым на сумму неосновательного обогащения.

В отличие от названного примера, в настоящем деле волеизъявление сторон касательно вопроса об уплате процентов в договоре вообще не было каким-либо образом отражено.

Если при неясной формулировке договора у суда имеется объект толкования (спорное условие), то в рассматриваемом деле объект толкования отсутствует в принципе. В связи с этим правил ст. 431 ГК РФ о толковании неясных условий явно недостаточно для того, чтобы восполнить пробел в договоре.

Вместе с тем толкование и восполнение договора соотносятся как общее и частное. При восполнении договора активно используются техники толкования и для установления наличия пробела в договоре, и для последующего его восполнения посредством обращения к предполагаемому волеизъявлению сторон. С точки зрения терминологии мы предлагаем придерживаться определения «восполнительное толкование» (*Ergänzenden Vertragsauslegung*), которое указывает на тесную связь указанных процессов и на соответствующую специфику процесса устранения пробелов в договоре.

Механизм восполнения договорных условий

Как следует из Постановления, установив посредством толкования условий (ст. 431 ГК РФ), что в мировом соглашении имеется пробел в отношении прекращения обязательства по уплате процентов, Президиум

с целью восполнения недостающего условия обратился к нормам процессуального закона.

Справедливо утверждать, что Президиум восполнил мировое соглашение прямо не сформулированным в нем условием о прекращении обязательства по уплате процентов, исходя «из смысла и содержания норм, регламентирующих примирительные процедуры, а также исходя из задач судопроизводства в арбитражных судах»⁶.

Вывод Президиума основывается на нормах процессуального закона о мировом соглашении, которое «по своей природе является таким процессуальным способом урегулирования спора, который основывается на примирении сторон на взаимоприемлемых условиях, что влечет за собой ликвидацию спора о праве в полном объеме»⁷. Из этого, в свою очередь, следует, что все обязательства, в том числе не предусмотренные в тексте мирового соглашения, были прекращены при заключении мировой сделки.

На наш взгляд, позиция ВАС РФ является правильной по существу. Вместе с тем представляется необходимым дополнить ее рядом значимых для проблемы восполнения договора методологических замечаний, которые могли бы служить ответом на обоснованную критику позиции Президиума, приведенную в особом мнении.

Как уже было указано выше, основной риск восполнения пробелов в договоре состоит в том, что на сторону договора может быть возложена обязанность, которую она не намеревалась нести. По этой причине восполнение пробела в договоре должно быть не только обосновано ссылками на закон, но и соотносено с волей сторон, уже нашедшей отражение в условиях договора.

В практике немецких судов было сформулировано правило восполнительного толкования (*Ergänzende Vertragsauslegung*), согласно которому суду необходимо «выявить и принять во внимание все то, о чем стороны умолчали, но что, принимая во внимание конечную цель договора, должно было быть в нем за-

⁶ Постановление. С. 5 // www.arbitr.ru.

⁷ Там же.

фиксировано, если бы все его пробельные места были урегулированы в соответствии с принципом справедливости и обычаями делового оборота»⁸.

Речь здесь идет о том, как стороны урегулировали бы спорную ситуацию, если бы она была очевидна для них на момент заключения договора. С учетом этого суд, приняв во внимание все представленные доказательства, должен определить, каким могло бы быть волеизъявление сторон. Согласно немецкой доктрине в этом случае на место реальной воли сторон, которая не нашла своего отражения в договоре, на основе общих интересов и конкретных обстоятельств дела ставится гипотетическая воля сторон (*hypothetische Parteiwille*)⁹.

|| Указание на общие интересы при определении гипотетической воли сторон имеет важное практическое значение.

Во-первых, суд, восполняя договор, должен придерживаться той позиции, которая в наибольшей степени соответствует особому положению интересов сторон. Под особым положением интересов возможно понимать не столько общую цель договора (например, переход права собственности по договору купли-продажи), которая может быть найдена в том числе в диспозитивных нормах закона, сколько индивидуальное соотношение прав и обязанностей сторон конкретного договора, которое должно корреспондировать их интересам.

К примеру, для учета особого положения интересов сторон договора купли-продажи следует проанализировать, каким образом стороны урегулировали вопросы о гарантиях продавца и покупателя, о риске случайной гибели, о средствах защиты на случай нарушения обязательств и т.д. При этом важно, насколько данные условия соответствуют тем стандартным положениям, которые закреплены в диспозитивных нормах закона.

Во-вторых, подобное указание помогает разграничить восполнительное толкование согласно гипотетической воле (*lex privata*) и применению диспозитивных норм права (*lex dispositiva*), которое подробно обсуждается

в немецкой литературе. Формат настоящей статьи не позволяет подробно остановиться на этой проблеме, поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями.

Диспозитивные нормы закона, по существу, могут быть рассмотрены как наиболее типичные для определенного вида договора волеизъявления, которые ввиду их широкого применения на практике были закреплены в качестве общих правил закона. Цель их применения — восполнение типичных пробелов в договорах, когда суд после установления вида (типа) договора обращается к диспозитивным нормам, которые при отсутствии соглашения об ином считаются инкорпорированными в договор.

При этом основная проблема их применения состоит в том, что стороны могли отклониться от типичного регулирования спорных ситуаций, и поэтому содержание диспозитивных норм может противоречить смыслу и цели договора, когда стороны желали по-иному регламентировать свои отношения. В этом отношении критерий гипотетической воли более чувствителен к волеизъявлению сторон, поскольку при его применении суд не связан требованиями диспозитивных норм, которые могут противоречить иным условиям договора, и в значительной мере может ориентироваться на особое положение интересов сторон договора, которое следует из конкретных обстоятельств дела.

В английском праве аналогичную функцию выполняет институт подразумеваемых условий (*implied terms*), которые выводятся из норм закона (*implication by statute*) либо из обстоятельств спора (*implication in fact*). Нетрудно заметить, что первый вид таких условий напoминает применение диспозитивных норм права.

Английские суды выделяют целый перечень требований к подразумеваемым условиям: они должны быть разумными и справедливыми, а также необходимыми для того, чтобы договор имел обычный эффект с точки зрения предпринимательских отношений (*business efficacy*); подразумеваемые условия должны быть настолько очевидными для договора, что в обычной ситуации они бы исполнялись по умолчанию; они не должны противоречить ни одному условию договора и т.д.¹⁰

⁸ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. I. С. 112.

⁹ Larenz K., Wolf M. Op. cit. S. 400.

¹⁰ Lewison K. *The Interpretation of Contracts*. 3^d ed. London, 2004.

Важно также то, что в английском праве для защиты волеизъявления сторон от искажений со стороны суда сформулирована общая презумпция против включения подразумеваемых условий и чем более подробным является содержание договора, тем эта презумпция сильнее¹¹.

Из этого следует, что сторона (в нашем случае ответчик), настаивающая на включении такого условия, должна доказать, что оно действительно необходимо для договора и не было включено лишь в силу очевидности того, что стороны его подразумевали.

В международной торговле также имеются правила о выполнении договорных условий, которые основаны на сложившихся в судебной практике национальных судов подходах. Так, согласно ст. 4.8 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (2010 г.), если стороны договора не пришли к соглашению о том, что является важным для определения их прав и обязанностей, договор выполняется условием, представляющим соответствующим в данных обстоятельствах. При определении, какое условие является соответствующим, должны быть, помимо прочих факторов, приняты во внимание: а) намерения сторон; б) характер и цель договора; в) добросовестность и честная деловая практика; г) разумность.

Аналогичные правила, только в терминах английского права о подразумеваемых условиях, можно найти в ст. 9:101 Проекта общих подходов, который был разработан для будущей унификации европейского частного права (*Draft Common Frame of Reference*).

Восполнение условия мирового соглашения об уплате процентов

В рассматриваемом деле Президиум исходил из противоположной английскому праву презумпции, переложив риск отсутствия условия о процентах на истца: «Невключение в текст мирового соглашения условий о необходимости выполнения каких-либо дополнительных обязательств означает соглашение сторон о полном прекращении гражданско-правового конфлик-

та и влечет за собой потерю права сторон на выдвижение новых требований»¹².

Эта позиция может быть обоснована как наличием особого положения интересов сторон мирового соглашения, согласно которому гипотетическая воля сторон была направлена на прекращение всех обязательств, в том числе по уплате процентов, так и требованиями добросовестности и разумности.

Во-первых, из условий мирового соглашения следует, что его предметом является внедоговорное обязательство, возникшее из факта неосновательного обогащения, которое было прекращено путем новации в обязательство, основанной на мировой сделке (договорное обязательство). Маловероятно, что воля сторон, как указано в особом мнении, была направлена лишь на констатацию (признание) существующего долга, поскольку для того, чтобы констатировать долг, ответчику достаточно было признать искимые требования (ч. 3 ст. 49 АПК РФ). В связи с этим сам способ урегулирования спора, который избрали стороны, предполагает, что их воля была направлена на новирование внедоговорного обязательства.

Поэтому истец, действуя добросовестно и разумно, не мог не учитывать того, что мировое соглашение при таких обстоятельствах содержит элемент соглашения о новации, и в силу п. 3 ст. 414 ГК РФ обязательство по уплате процентов прекращается вместе с основным обязательством. Возможность применения норм ГК РФ о новации была упомянута в определении о передаче дела в Президиум, но не нашла отражения в Постановлении.

Во-вторых, необходимо учитывать особое положение интересов сторон мировой сделки. Очевидно, что ответчик полагался на условия мирового соглашения, считая, что гражданско-правовой спор исчерпан, и не мог предположить, что истцом будет заявлено дополнительное требование. Имеются все основания полагать, что ответчик не стал бы заключать мировое соглашение на указанных в нем условиях, если бы знал, что истцом будет в будущем предъявлено требование о взыскании процентов.

¹¹ Lewison K. *The Interpretation of Contracts*. 3rd ed.

¹² Постановление. С. 5 // www.arbitr.ru.

О том, что воля ответчика была направлена на прекращение гражданско-правового спора между сторонами, истцу должно было быть известно, поскольку это следовало из обстоятельств заключения мирового соглашения и его последующего утверждения судом. Не заявив требования о взыскании процентов и не поставив вопроса об их урегулировании в рамках мирового соглашения, истец подтвердил, что у него отсутствует намерение по их взысканию и обязательство по их уплате он также считает прекратившимся.

В-третьих, при исполнении договора необходимо руководствоваться принципами разумности, добросовестности и справедливости. Даже если волей истца не охватывалось прекращение обязательства о взыскании процентов, заявление данного требования после подписания мирового соглашения свидетельствует о том, что истец намеренно оставил данный вопрос неразрешенным. Эти обстоятельства указывают на то, что истец сознательно принял на себя риск последующего отказа в удовлетворении иска о процентах в связи с заключением мирового соглашения.

Некоторые выводы

1. Мы солидарны с позицией Президиума в том, что мировое соглашение требовало исполнения в части условия о процентах на сумму неосновательного обогащения. Обстоятельства данного дела указывают на явное злоупотребление своими процессуальными правами со стороны истца, поэтому позиция ВАС РФ в полной мере соответствует требованию справедливости. Вместе с тем представляется, что Постановление

в части анализа того, на что была направлена воля сторон мирового соглашения, не обосновано в достаточной степени, что явилось одной из причин заявления особого мнения.

2. Хотя российская практика пока не знакома с доктринами восполнительного толкования и подразумеваемыми условиями договора, необходимость применения таких подходов очевидна хотя бы потому, что диспозитивные нормы, как было указано выше, не всегда могут служить целям восполнения договорных пробелов.

Очевидно, что суду, разрешающему сложные коммерческие споры, нужен инструмент более тонкой настройки, который позволял бы учитывать конкретные обстоятельства дела, а не типичные волеизъявления, положенные в основу диспозитивного регулирования.

3. Бесспорно, что как обращение к гипотетической воле сторон, так и применение подразумеваемых условий являются формой усмотрения суда при восполнении договорного пробела. При этом оба подхода полезны, поскольку ограничивают судебское усмотрение: суду необходимо обосновать, почему в договор должно быть включено прямо не сформулированное условие в соотношении с уже существующим волеизъявлением. Иными словами, применение правил восполнительного толкования предполагает детальное обоснование необходимости включения в договор условия, о котором стороны прямо не договорились, что позволяет избежать ситуации прямого противоречия «восполненного» условия уже существующему волеизъявлению.